

перешла в некоторые скудные летописцы, начертанные пером пристрастных монахов; они судили о людях соразмерно добру и злу, которое они от них получали. Если великий человек отнял от несчетных их сокровищ малую часть для награждения храбрости своих воинов, то они описывают его как злодея, которого св. отцы отослали в геенну. Когда монастырь, неприятный тому, в котором живет историк, заражен повальной болезнью, то говорят, что ангел-истребитель сходил с неба и что многие видели, как в одну ночь поражал он тысячи их нечестивых! Напротив того, ежели государь какой расточал на алтари области своего царства, то какие бы он ни сделал преступления, каким бы развратам ни был причастен, его представляют образом добродетели, которого память достойна апофеоза».³⁶

Показателен словарь литературных терминов, который включил Галинковский во вторую книгу «Корифея». Отрицательно отнесясь к салонности, камерности литературы, культу «безделок», Галинковский сохраняет и развивает представление о поэте как гении, не знающем правил, руководствуемом лишь вдохновением. Сохраняется даже типично карамзинский термин «жені», который поясняется как «лично-особенное дарование, дух великий, недостигаемый, творец оригинальный, ум, составленный из превосходнейших стихий совершенства смертного. Человек особенный, у которого свой образ видеть, чувствовать, мыслить и писать, человек небывалый». Тут же французский термин «poète» переводится как «поэт, стихотворец — первый человек в свете».³⁷ Однако нельзя не видеть, что карамзинские представления подверглись значительной трансформации в духе того понимания природы гения, которое было в ходу в немецкой литературе шиллеровской эпохи и разделялось такими современниками Галинковского, как Андрей Тургенев, Андрей Кайсаров, молодой Гнедич и др. Основной чертой гения считается оригинальность, самобытность. Как мы увидим дальше, это понятие соединялось с требованием активности, поэзии героического, а не камерного звучания.

Оборотной стороной переосмысления старых литературных принципов являлось широкое воздействие на Галинковского той идеологической традиции, которая связана была с недворянским лагерем в литературе XVIII века. Большой интерес в этом отношении представляют его оценки русских писателей XVIII века. Критическое отношение к Хераскову и Карамзину мы уже отмечали. Не менее резко высказывается Галинковский,

³⁶ Там же, кн. II, стр. 147 и 151—152.

³⁷ Там же, стр. 15 и 19.